

Юлия ЛАВРЯШИНА

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ ДОНБАЯ

Моё знакомство со студийцами «Притомья» обернулось настоящей трагедией. Сейчас это, конечно, кажется забавным, но тогда, поверьте, было не до смеха...

Мне было немногим больше двадцати, и я верила, что моё призвание – это поэзия. Но написанное я никому не решалась показать, кроме моего мужа Артура, который и привёл меня на занятие «Притомья» буквально за руку. Ребята там в конце 1980-х собирались жёсткие, и от моей рукописи не оставили камня на камне. Правда, потом один из участников разгрома уверял, что стихи им понравились, и они всего лишь пытались разозлить меня, чтобы я начала писать ещё лучше. Но я не разозлилась, а прорыдала всю ночь, решив, что на моей мечте придётся поставить крест. К слову, стихов я после этого не писала лет десять...

Зато удивительным образом родились сразу несколько рассказов, один из которых я считаю знаковым. «Весёленький денёк» должен был стать моей первой публикацией, но поскольку речь в рассказе шла о конфликте старшеклассника с комсомольской организацией, его запретили к публикации в газете «Комсомолец Кузбасса» и взяли другой рассказ. А я страшно гордилась тем, что начала как автор, запрещённый по политическим соображениям!

А «Весёленький денёк» всё равно ждала счастливая судьба: Сергей Донбай, в то время руководивший не только работой «Притомья», но и журналом «Литературный Кузбасс», взял этот рассказ. Потом он был опубликован в коллективном сборнике, и потому его название я дала и своему первому персональному сборнику.

Признаюсь, если бы не Сергей Донбай я, наверное, не решилась бы снова появиться в «Притомье». Но Сергей Лаврентьевич не только талантливый поэт, но и человек, наделённый отменным литературным вкусом и потрясающей интуицией. Меня всегда поражало, как точно и тактично он сходу комментирует написанное нами, и находит слова, которые

совсем не обидно указывают слабые места рукописи и вместе с тем вдохновляют на работу. Благодаря его чутью и повесть «Лэрис, Принцесса и Ланселот» наполнилась трагической силой, которой я испугалась вначале. Решила, что ещё не готова подняться на такой уровень. Но Донбай уверенно сказал: «Ты сможешь», и я поверила.

Сергей Лаврентьевич выступил и редактором моих первых книг, поэтому неудивительно, что в моей душе – самые тёплые чувства к этому человеку. Как может отблагодарить писатель? Книгой. В романе «Прощай, КоБра!» (изд. «Аквилегия-М»), действие которого происходит в моём родном городе Кемерово, описывая литературную студию, я отчасти воссоздала атмосферу «Притомья», только в книге герои помладше – подростки. А Сергей Донбай стал прототипом руководителя студии, тоже поэта с греческими корнями – Никиты Паппаса.

К нему и приходит со своими сказками тринадцатилетняя Настя Ильина. «Эту девочку Никита Паппас не сразу и разглядел среди рослых ребят литературной студии, занятия которой вёл в последний будний день, и потому часто в шутку называл себя греческим Робинзоном, у которого целое племя Пятниц. Дожидаясь руководителя, талантливые дикари толкались возле Дома литераторов, двери которого выходили прямо на центральную улицу города – Советский проспект.

Прохожие обходили стайку подростков с понятной опаской, хотя юные поэты всю агрессию вкладывали в обсуждение рукописей друг друга. Иногда дело едва не доходило до потасовки, но на то и существовал Никита Паппас, чтобы вовремя развести бойцов по углам ринга (читай – кабинета). Он учил их говорить по делу, не переходя на личности. Сперва похвалить, потом делать замечания. Предлагать свои варианты исправления отдельного эпизода или всей сюжетной линии. И, главное, искренне радоваться удачам друг друга!

– Ругать проще простого, у вас у всех ещё – поле непаханное для критики, – внушал Никита Матвеевич студийцам. – А вот найти, за что похвалить начинающего автора, порой задача сложнее...»

В «Огнях Кузбасса» журнальный вариант романа публиковался под названием «Серебряный ключ». Это моя дань памяти «Притомью», времена которого я вспоминаю с нежностью...

157